

„Одесский Листок“, г. Одесса.
1911 г. 11 февраля

Памяти В. О. Коммиссаржевской.

Вчера истекла первая годовщина, как перестало биться сердце В. О. Коммиссаржевской..

Въ соборѣ служили панихиду... Были акты, журва исты, театралы...

Уже годъ прошелъ, какъ ея нѣтъ среди насъ, такъ искренно ея любившихъ, а между тѣмъ, все кажется какъ будто она находится близко-близко около насъ, что вотъ не сегодня-завтра мы снова увидимъ ея замечательное лицо и услышимъ ея задушевный, проникающій въ самыя сокровенныя тайники души, голосъ...

Но ея нѣтъ...

Она ушла отъ насъ и съ ея смертью ушла съ арены жизни одна изъ замечательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, отзывчавшее сердце которой не знало границъ любви къ человеку, къ жизни..

Ея мягкая душа не могла замкнуться въ желѣзные тиски нашего сбродошлаго безвременья и всю свою короткую жизнь бурно рвалась къ достиженію иной жизни, красочной и свѣтлой.

Какъ льдина во время ледокола, наткнувшись на гранитные устои моста, раскалывается на дробь, такъ на мелкіе куски, такъ точно раскалывалось ея доброе сердце, желая помочь всѣмъ и каждому.

Ея любовь къ театру поглощала ее всю..

Можно смѣло сказать, что она жила только имъ однимъ...

И это была не любовь-забава... Нѣтъ, это было исканіе лучшаго въ жизни... Она не замыкалась въ устои театралныхъ подмостковъ, а напряженно искала выхода...

Ея исканія были трагичны... Ея скорбь была нашей скорбью...

Ни въ книгахъ, ни въ рѣчахъ, а лицомъ къ лицу, на сценѣ мы видѣли чудный образъ Вѣры Теодоровны...

Въ дни безвременья она была для мно

гохъ чайкой, въ годы порыва — Гелда Габлеръ, въ дни жестокихъ разочарованій и томленія — сестра Беатриса...

Она любила жизнь... Она беззавѣтно любила нашу дорогую учащуюся молодежь.

Она чутко и сердечно относилась и къ другой молодежи — рабочимъ... Она никогда не отоваривала въ „неимѣемъ времени“, и усталая, съ рабскими нервами, послѣ тяжелаго спектакля шла къ рабочимъ, и не разнитала задушевнымъ своимъ голосомъ тургеневское:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“...

Вотъ ужъ годъ прошелъ, какъ умерла Вѣра Теодоровна...

И не только хочется спросить: чѣмъ же мы, какъ называемое общество, увѣковѣчили ея память?...

— Что свѣдали въ память ея мы, которые наслаждались ея чудной игрой и плакали вмѣстѣ съ нею?

Мы, пожалуй, не ошибемся, если отвѣтимъ однимъ словъ мнѣ:

— Ничего!..

Ея неслучайная смерть всколыхнула на мигъ наше общество... Оно завол овалось, ибо боль была слишкомъ чувствительна.

Сразу загворили объ „увѣковѣченіи“ памяти покойной... Но то было лишь только сегодня, сгоряча...

На завтра дорогой покойникъ былъ забытъ, а „общество“ вновь съ головой окунулось въ болотную трясику повседневнои сутолоки...

И какъ это ни печально, но дорогая могла до сихъ поръ не имѣть даже надгробнаго памятника, до того мала собранная сумма...

Неужели она такъ и останется безъ памятника?

С. Н—ъ.